

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ МЕТАФОР В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

А.П. Миньяр-Белоручева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва

Рассматривается специфика функционирования метафор в англоязычном историческом дискурсе. Многовековой поиск ответов на вопрос о природе метафоры способствовал появлению разнообразных теорий, соответствующих парадигме конкретной эпохи. Являясь частью ценностной картины мира, присущей представителям конкретной культуры, концептуальные метафоры позволяют не только создать красочное полотно исторических событий, но и на концептуальном уровне изменить их восприятие.

Ключевые слова: концептуальная метафора, исторический дискурс, концепт, теории метафор, ментальные пространства, история, картина мира, восприятие.

В течение более двух с половиной тысяч лет метафора занимает умы ученых. Относясь к одной из сложнейших самоорганизующихся систем, метафора являет собой открытый, постоянно изменяющийся феномен, сущность которого до сих пор не выяснена. Философы и лингвисты, стремясь проникнуть в суть этого сложного явления, создают новые теории, пытаются объяснить механизм образования метафор, благодаря которым происходит восприятие, осмысление, категоризация и концептуализация окружающей действительности. Метафору рассматривают как «ключ к пониманию основ мышления и процессов создания не только национально-специфического видения мира, но и его универсального образа» [1, с. 6]. Метафора, концептуальная по своей природе, доступна только через язык, который создает устойчивую вербализованную форму, содержащую образно-ассоциативную систему смыслов, значений, символов и семантических полей, образующихся благодаря скрытым, ненаблюдаемым, операциям, которые происходят в сознании человека.

Многовековой поиск ответов на вопрос о том, что такое метафора способствовал разработке разнообразных, иногда взаимоисключающих концепций и теорий, соответствующих парадигме конкретной эпохи [8].

Из всех существующих теорий концептуальная теория Дж. Лакоффа и М. Джонсона [3] относится к наиболее популярной, широко используется в прикладных разработках и является исходной для других моделей и теорий таких как когерентная модель метафоры [19], теория интегрированных концептуальных пространств [20]; модель концептуальной проекции [13] и другие. Концептуальная теория метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона указала путь к пониманию ментальных процессов, порождающих это сложное явление, показала, как благодаря метафорам происходит концептуализация различных сфер деятельности человека, что способствовало появлению многочисленных работ, раскрывающих свойства метафор в разных дискурсах.

Изучение особенностей функционирования концептуальных метафор в научном дискурсе оказалось в центре специальных исследований сравнительно недавно [12]. Современная когнитивно-дискурсивная парадигма предоставляет возможность выявить характерные черты концептуальных метафор в разных научных дискурсах, поскольку каждый из них характеризуется определенным набором метафор, оценивающих, описывающих и объясняющих гетерогенные явления [10; 11]. Концептуальные метафоры, функционирующие в историческом дискурсе, долгое время не были предметом систематического исследования, несмотря на их специфику, обусловленную означенным дискурсом. Особенность исторического дискурса заключается в том, что он охватывает историческую реальность, которую невозможно непосредственно познать и которая постигается историками через призму ее восприятия людьми прошлого и была изложена ими в соответствии с нарративными структурами, свойственными сознанию людей их эпох [4]. Постмодернизм способствовал созданию новой интеллектуальной истории, в которой историческое познание рассматривается как интеллектуальная игра, осуществляющаяся с помощью языковых средств, а историческое знание – как продукт «вербального вымысла» в литературной форме [9]. Вся виртуальная картина исторического прошлого, воспринимаемая в границах конкретной культуры, поднимается на уровень метафоры мира. Для исторического дискурса, в котором соединились наука и искусство, метафора с ее интерпретационными контекстами становится неотъемлемым свойством. Однако несмотря на то, что метафора является действенным инструментом исторической риторики, персуазивность и суггестивность которой направлены на трансформацию восприятия конкретного исторического события или возможность заглянуть в суть событий далеких эпох, в настоящее время в историческом дискурсе она воспринимается не столько как риторическая фигура, а как эпистемологическая катего-

рия, аккумулировавшая различные взгляды относительно интерпретации и моделирования жизни человеческого общества в прошлом [7].

Проблемы, возникающие при изучении метафор, функционирующих в историческом дискурсе, характерны для метафоры в целом. Изначально в основу изучения метафоры был заложен семиотический подход, сущность которого заключается в природном свойстве соотнесения одного предмета с другим. Начиная с Аристотеля и вплоть до середины XX века доминировало субституциональное воззрение на метафору, позволявшее растолковывать множества понятий и явлений. Способность метафоры в границах заданного контекста создавать семантическую инновацию, что приводило к изменению объема значения общеупотребительного слова, позволяла рассматривать ее как вариант катахрезы [18]. Более века определение метафоры как слова, «которое замещает другое слово в силу Сходства или Аналогии между тем, что они обозначают» [22, с. 280] было авторитетным для большинства ученых. Веками метафору рассматривали как скрытое сравнение. Макс Блэк по-новому взглянул на метафору. Не выходя за рамки семантической теории, ученый ввел понятие интерактивности, предложив ею заменить субститутивность.

Изучая метафору, Макс Блэк, установил, что основа метафоры, слово, которое используется метафорически, находится в окружении слов, употребляющихся в прямом значении [2]. Следует подчеркнуть, что метафора существует не автономно, а в границах определенного фрейма, и метафорический смысл создается не отдельным словом, а предложением, поскольку суть метафоры состоит не в субституции одного слова другим, а в интеракции логического субъекта и предиката.

Интеракционная теория Макса Блэка исходит из положения о том, что при использовании метафоры у человека «присутствуют две мысли о двух различных вещах, причем эти мысли взаимодействуют между собой внутри одного-единственного слова или выражения, чье значение как раз и есть результат этого взаимодействия» [2]. Суть интеракционной теории метафоры заключается в соединении двух не связанных друг с другом предметов посредством мгновенного создания ассоциаций.

Причины использования метафор в научном дискурсе разные. К метафоре, как правило, обращались для введения и разъяснения новых понятий и явлений, восприятия которых осложнило бы ее отсутствие. Метафора, строящаяся на основе имеющегося у человека опыта, позволяет доступным образом объяснить нечто новое, еще неизвестное. Если в политическом дискурсе метафора работает на опережение на уровне подсознания, что приводит ученых к необходимости ставить вопрос об их каузальности [16], то это нельзя сказать о метафорах, функционирую-

щих в историческом дискурсе. История, в отличие от политики, погруженной в настоящее и будущее, направлена в прошлое, последствия произошедших событий уже известны, поэтому все метафорические предположения и догадки аргументированы. В историческом дискурсе внимание акцентируется на событиях прошлого, линейная однонаправленность которых не допускает их альтернативного развития, за исключением виртуальной истории, в которой высказываются предположения об ином развитии исторических событий и их ином завершении. Однако реальная история не имеет сослагательного наклонения. Можно научить и научиться воспринимать случившиеся события по-иному, стараясь найти объяснения и примириться уже со случившимся или негодовать по этому поводу, используя историю как орудие в политической борьбе. В историческом дискурсе метафора используется для создания достоверной картины исторической действительности, поскольку она воздействует на чувства, создавая убедительные образы и создавая ход событий, иногда отличающиеся от стереотипных представлений, сложившихся ранее, или акцентируя события, которые были ранее проигнорированы или изложены иначе.

В историческом дискурсе метафору используют там, где допускается неточность, где стремятся скрыть нечто важное, вызвать размытость чувств и впечатлений. Метафора исторического дискурса придает поэтичность и некатегоричность описываемым событиям, что позволяет в будущем дать иную оценку или трактовку. Несомненно, это несколько противоречит сложившемуся представлению о метафоре, основная цель которой состоит в создании образа, вызывающего конкретные чувства. Суть интеракционной теории метафоры заключается в актуализации системы общепринятых ассоциаций. Однако для метафоры существенна не валидность ассоциаций, которые могут быть ошибочны, а их моментальная активизация в сознании. Суть интеракционной теории метафоры состоит в том, что возникающие в сознании суждения, моментально соединяясь с представлениями о главном субъекте, порождают новые смыслы. Для создания системы импликаций относительно главного субъекта реципиенту следует исходить из знания о нем. Полученные импликации могут не совпадать с общепринятыми ассоциациями, вызываемыми буквальным употреблением основного слова, поскольку они детерминированы системой импликаций, свойственных буквальному употреблению супплетарного слова, так как в метафоре главный субъект «проецируется» на домен вспомогательного субъекта. При этом одни свойства выделяются, другие отходят на второй план, вызывая сдвиги в значении слов благодаря возникновению новых или прототипических ассоциаций в результате использования метафоры, которые в разных культурах интерпретируются по-разному. Следует

подчеркнуть, что генезисом «интерпретационных интеракций» далеких друг от друга семантических полей метафоры в определенном языковом контексте является творческое открытие.

Наряду с простыми выделяют и сложные метафоры, в которых одна метафора может содержать подчиненные метафоры, импликации не акцентируются. Главная и подчиненная метафоры обычно принадлежат одной и той же области дискурса и поэтому усиливают одну и ту же систему импликаций. Таким образом, интеракционная теория метафоры, основывающаяся на системе ассоциаций, заявила о своем существовании. Но это еще не было прорывом.

Джордж Лакофф и Марк Джонсон подошли к изучению метафоры исходя из ее концептуальной природы, доказав, что метафора – это не только фигура речи, но и основное средство концептуализации мира [3]. Исследования, проведенные в области когнитивной лингвистики учеными, показали, что посредством метафор человек не только выражает свои мысли, но познает мир, в котором живет, преобразует существующую в его сознании картину мира, воспринимает и оценивает многие события и явления по-новому.

Метафора, концептуальная основа которой разворачивается по вертикали и горизонтали, является не явным, а косвенным внешним выражением глубинного сложного смысла. Концептуальная теория метафоры позволила объяснить ее природу посредством проецирования конкретных понятий из домена-источника в виртуальную домен-цель. Таким образом, двухчастная теория метафор получила научное обоснование. Для образования метафор обращаются к самым неожиданным для домена-цели доменам-источникам, концептуально сближая предметы и явления, конкатенация которых невозможна в реальной действительности. При этом, как было установлено, чем дальше отстоит домен-источник от домена-цели, тем ярче образы, созданные метафорой. Метафора, которую часто соотносят с двуликим божеством, рассматривалась как «дуальная первосубстанция». Проецируя конкретные понятия домена-источника на абстрактные понятия домена-цели, метафора открывает потаенные уголки человеческого сознания, создавая простые и всем понятные образы. Благодаря проекции привычных понятий из домена-источника в концептуально новый домен-цель, метафора, превращая концептуальную инконгруэнтность в концептуальную конгруэнтность, сохраняет при этом инвариантный след домена-источника в домене-цели [7].

В концептуальной теории двухдоменная модель интерпретации метафоры господствовала на протяжении ряда лет. Однако трактовка метафоры посредством взаимодействия дуальных сфер оказалась недостаточна для объяснения динамики метафорической концептуализации мира. Дж. Факонье и М. Тернер создали **теорию интегриро-**

ванных концептуальных пространств – *blending theory*, исходя из структурирования четырех пространств, характеризующихся большей четкостью, чем недифференцированные сферы доменов. Первые два пространства, расположенные на стадии поступления информации, рассматриваются как исходные (*input spaces*), относящиеся к ассоциативным структурам сознания, фокус которых составляет образ. Два других пространства, возникающие на стадии обработки поступившей информации, являются операционными, динамическими структурами сознания [20, с. 186]. В результате совмещения одного из исходных пространств, в котором заключены общие для входных пространств фоновые, знания с другим – происходит слияние концептов, приводящее к возникновению промежуточных ментальных образований, способствующих осуществлению мыслительных процессов и пониманию смысла высказывания при наименовании объекта одного класса посредством называния объекта другого класса. Четырехчастная теория **интегрированных концептуальных пространств разъясняет, что при** совмещении домена-источника с доменом-целью создается общее пространство (*generic space*).

Общее пространство, координируя содержание входных пространств, приводит их в структурное соответствие, обуславливая базовые концепты, составляющие ядро более сложной метафоры. В интегрированном пространстве, в котором сливаются составляющие входных пространств, создается временное операционное пространство, промежуточная ментальная структура – интегрированное пространство (*blended space*), в котором благодаря новым ассоциациям развивается новый концепт [21], получающий самостоятельную жизнь в дальнейшем. Теория интегрированных концептуальных пространств (*blending space*) способствует расширению информационного поля, позволяя лучше понять механизм порождения метафор с их сложной паутиной смыслов, которые вербализуют то, что человек может только смутно ощутить на уровне подсознания.

Метафоры играют особую роль в историческом дискурсе. Являясь частью ценностной картины мира, присущей представителям конкретной культуры, концептуальные метафоры позволяют создать красочное полотно исторических событий, в невербализованной форме дать оценку (*silent assessment*) историческим событиям и личностям. В историческом дискурсе метафоры существуют не изолированно друг от друга, а в системе. Кластерно дополняя и развивая друг друга, они создают единое функционально-семантическое метафорическое пространство, в границах которого излагаются исторические факты и передается основной посыл историка.

Три метафоры, приведенные одна за другой – сложная, простая, сложная, создавая мини сис-

тему, звучат как аккорд, причем каждая из них семантически усложняется, перемещая смысл на глубинный уровень, проводником к которому является форма, на первый взгляд, не имеющая ничего общего с тем, что вербально не выражено, но имплицитно присутствует. Концептуальные метафоры, функционирующие в историческом дискурсе, могут различаться по форме, варьируясь от простых до сверхсложных. Метафора может быть расширена от одного до нескольких предложений, но во многих случаях ее смысл становится понятен только исходя из анализа конкретного дискурса.

Так, описывая невозможность преодоления королевой Елизаветой разрыва с Ватиканом, инициированного ее отцом, Генрихом VIII, а, следовательно, и примирения с могущественным государством, историк обращается к метафоре, доменом-источником которой является медицинская фармакология:

“But she [Elizabeth] had to choose, and she chose against Rome. Elizabeth always hated medicine of any kind, and Papal Act of Supremacy, however diluted, would have been a bitter draught, too bitter, perhaps, for this daughter of Henry VIII and Anne Boleyn, to swallow”. [14, p. 191]. Упоминание о лекарстве вызывает ассоциации, связанные с болезнью, которые создаются посредством морбиальных метафор, функционирующих в политическом дискурсе и свидетельствующих о кризисных ситуациях и коренных изменениях, происходящих в политической сфере [7]. Историю можно рассматривать как политику прошлого, что позволяет использовать некоторые достижения, полученные в результате изучения концептуальных метафор политического дискурса, в историческом дискурсе [6]. Объектом данной метафоры является Papal Act of Supremacy, за которым кроется запрет на свободу слова, вольномыслия, к которому привыкла Англия со времен Генриха VIII. Елизавета не могла допустить потерять все это. Вместо того, чтобы пространно объяснять и приводить веские аргументы в пользу принятого Елизаветой решения, историк употребляет метафору, источником которой послужила медицинская фармакология, в которой присутствует явно выраженный аспект гасрики, вкусовые ощущения горького, созданные благодаря дважды употребляемому слову ‘bitter’: ‘a bitter draught, too bitter’, воздействуя на рецепторы вкуса, вызывают неприятную горечь о рту, от которой, также как и от власти Рима, необходимо было как можно быстрее избавиться. Если расположить слово ‘bitter’ на оценочной шкале, то оно займет одно из высших отрицательных мест. Слово ‘bitter’ несет в себе высокоразрядную отрицательную коннотацию, которая переносится на все, что оно характеризует и оценивает как эксплицитно, так и имплицитно. Неприязнь к Papal Act of Supremacy подкрепляется словом ‘hated’, и, несмотря на то,

что оно определяет только слово ‘medicine’, чувство неприязни, подкрепленное вкусом горечи, вызывает протестные чувства, заставляя протестные ноты (silent protest) беззвучно звучать. Это характерное для метафоры свойство объясняется совмещением в ментальном пространстве нескольких концептов, которые создают новый концепт, подчеркивающий невозможность иного выбора, отличного от того, который сделала Елизавета, предопределившего развитие ее страны на века. Во второй метафоре историк сохраняет тему медицины на имплицитном уровне, поэтически акцентируя анатомический аспект: “The doctrinal issue was less clear-cut. But there a staunch heart might have overborne a neutral conscience” [14, p.191]. Благодаря центральному слову данной метафоре ‘heart’ и его определению ‘staunch’ создается образ стойкой королевы, сердце которой, преданное стране и народу, взяло верх во все еще неясном вопросе о религиозной доктрине. Этой метафорой историк еще раз подчеркивает взвешенность сделанного Елизаветой выбора. В третьей метафоре, развивающей тему урегулирования разногласий, но уже не только с Римом, подчеркивается абсолютная невозможность и недопустимость для Англии ее примирения со всеми католическими державами Европы, и опасность грозящих тяжелых последствий, вытекающих из принятого королевой решения. Для того чтобы читатель более отчетливо мог представить политическую обстановку в Европе в XVI веке, историк находит ее аналог в последующей истории, и, проводя параллель с событиями XX века, не забывает при этом на имплицитном уровне напомнить о боли, сохранить невербализованный медицинский метафорический фрейм, обратившись в качестве источника для метафоры к области ботаники:

“To conciliate the Catholic Powers might have seemed then, as to conciliate the Axis was to seem later, the way to pluck the flower safety from the nettle danger” [14, p.191].

В данной метафоре большая часть информации относится к невербализованной/неозвученной (silent information) [15], которая, тем не менее, достаточно отчетливо выражена, что является еще одной загадкой концептуальной метафоры, несмотря на все научные объяснения. Данная метафора является наглядной иллюстрацией теорией интегрированных концептуальных пространств, показывая, как рассыпанные в пределах метафорического поля концепты, вызывающие конкретные ассоциации, сопрягаясь в ментальном пространстве, образуют новые концепты, расширяющие не только темпоральные рамки событий, но и вызывающие конкретные ощущения. Следует отметить тонкость и продуманность выстраивания каскада метафор, подчиненных одной идее. Концепты, включенные в единое метафорическое пространство, участвующие в создании нового образа,

стали рассматриваться с позиций ideasthisia – идеястезии, нового направления в теории концептуальных метафор [17].

При анализе исторического дискурса наибольший интерес вызывают живые метафоры. Они – многофункциональны. Именно с них начинается новое мышление, способствующее развитию нового видения и восприятия мира на основе имеющегося опыта. Концептуальные метафоры, функционирующие в историческом дискурсе, порождая яркие образы, вызывая разнообразные ощущения и чувства, уводя от сложных проблем, или излагая сложные проблемы просто, создают неоднозначное представление о событиях прошлого. Они не только на имплицитном уровне оценивают и характеризуют все, что произошло в прошлом, но, будучи манипулятивными по своей природе, наряду с отражением действительности прошлого на суггестивном уровне навязывают взгляды и воззрения среды, представителями которых являются историки, стремящиеся на концептуальном уровне изменить восприятие исторических событий.

Литература

1. Арутюнова, Н.Д. *Метафора и дискурс* / Н.Д. Арутюнова // *Теория метафоры: сб. Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой; общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной*. – М.: Прогресс, 1990. – 512 с.
2. Блэк, М. *Метафора «Models and Metaphors» (1962)* / М. Блэк // *Теория метафоры*. пер. М.А. Дмитриевской. – М.: Прогресс, 1990. – С. 153–172.
3. Лакофф, Дж. *Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / Дж. Лакофф, М. Джонсон; под. ред. и с предисл. А.Н. Баранова*. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
4. Миньяр-Белоручева, А.П. *Исторический дискурс как полидискурсивный феномен* / А.П. Миньяр-Белоручева // *Военно-гуманитарный альманах. Серия «Лингвистика»*. Вып. 1. В 2 т. «Язык. Коммуникация. Перевод». *Материалы X Международной научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации, серия Лингвистика*. – М.: Издательский дом «Международные отношения», 2016. – Т. 2. – С. 316–323.
5. Миньяр-Белоручева, А.П. *Особенности функционирования внешнеполитических метафор* / А.П. Миньяр-Белоручева // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика»*. – 2014. – Т. 11, № 2. – С. 34–41.
6. Миньяр-Белоручева, А.П. *Особенности функционирования концептуальных метафор в политическом дискурсе* / А.П. Миньяр-Белоручева // *И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: междунар. конф.: V Бодуэновские чтения (Казан. федер. ун-т, 12–15 окт. 2015 г.): тр. и матер.: в 2 т. / под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Е.А. Горобец, Г.А. Николаева. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. – Т. 2. – С. 203–207.*
7. Миньяр-Белоручева, А.П. *Роль концептуальных метафор в историческом дискурсе / Герценовские чтения. Иностранные языки А.П. Миньяр-Белоручева // Материалы всероссийской межвузовской научной конференции 14–15 мая 2015 г. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2015. – С. 11–13.*
8. Миньяр-Белоручева, А.П. *Смена парадигм в истории и лингвистике* / А.П. Миньяр-Белоручева // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика»*. – 2014. – Т. 11, № 1. – С. 12–17.
9. Репина, Л.П. *Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории* / Л.П. Репина // *Одиссей. Человек в истории*. 1996. – М.: Coda, 1996. – С. 25–38.
10. Темнова, Е.В. *Функционально-прагматическая роль метафоры в публицистическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук* / Е.В. Темнова. – М., 2004. – 212 с.
11. Хомутова, Т.Н. *Стратегии научного дискурса: интегральный подход* / Т.Н. Хомутова // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика»*. – 2015. – Т. 12, № 3. – С. 15–22.
12. Хомутова, Т.Н. *Типология дискурса: интегральный подход* / Т.Н. Хомутова // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика»*. – 2014. – Т. 11, № 2. – С. 14–20.
13. Ahrens, K. *When Love is Not Digested: Underlying Reasons for Source to Target Domain Pairings in the Contemporary Theory of Metaphor* / K. Ahrens // *Proceedings of the First Cognitive Linguistics Conference* / Ed. Yuchau E. Hsiao. – Cheng-Chi University, 2002. – P. 273–302.
14. Bindoff, S.T. *Tudor England* / S.T. Bindoff. – London: Penguin Books, 1983. – 320 p.
15. Grady, J. *Conceptual Blending and Metaphor* / J. Grady, T. Oakley, S. Coulson // *Metaphor in Cognitive Linguistics* / ed. R. Gibbs, G. Steen. – Amsterdam; Philadelphia, 1999. – P. 430–440.
16. Lakoff, G. *Metaphor and War: The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf* / G. Lakoff // *Viet Nam Generation Journal & Newsletter*. – 1991. – V.3, N.3 (November). – URL: http://www2.iath.virginia.edu/sixties/HTML_docs/Texts/Scholarly/Lakoff_Gulf_Metaphor_1.html
17. *The Kiki-Bouba effect: A case of personification and ideasthesia* / G. Milán, E. Iborra, Córdoba, O., de et al. // *The Journal of Consciousness Studies*. – 20(1-2). – P. 84–102.
18. Richards, I.A. *Interpretation in Teaching* / I.A. Richards. – London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co. 1937. – 420 p.
19. Spellman, B. *Coherence Model of Cognitive Consistency: Dynamics of Attitude Change During The Persian Gulf War* / B. Spellman, J. Ullman, K.A. Holyoak // *Journal of Social Issues*. 1993. Vol. 49. – P. 147–165
20. Turner, M. *Conceptual Integration and Formal Expression* / M. Turner, G. Fauconnier // *Meta-*

phor and Symbolic Activity. – 1995. – Vol. 10, № 3. – P. 183–204.

21. Turner, M. *A Mechanism of Creativity* / M. Turner, G. Fauconnier. – URL: <http://www.wam.umd.edu/~mturn/>.

22. Whately, R. *Elements of rhetoric : comprising an analysis of the laws of moral evidence and of persuasion, with rules for argumentative composition and elocution* / R. Whately. – L.: J.W. Parker, 1846. – 351 p.

Миньяр-Белоручева Алла Петровна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва), ostvera@mail.ru

Поступила в редакцию 25 июля 2016 г.

DOI: 10.14529/ling160306

FEATURES OF CONCEPTUAL METAPHORS FUNCTIONING IN ENGLISH HISTORICAL DISCOURSE

A.P. Minyar-Beloucheva, ostvera@mail.ru
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

The paper deals with the particularities of conceptual metaphors that function in English historical discourse. The centuries-old search for answers to the question concerning the nature of metaphor favored the development of various theories of metaphors relevant to the paradigm of a particular era. As part of the *Weltbild* value inherent in specific culture, conceptual metaphors allow historians not only to create a colorful picture of historical events, but at the conceptual level to change their perception by the recipients as well.

Keywords: conceptual metaphor, historical discourse, concept, theory, metaphor, mental spaces, history, Weltbild, perception

References

1. Arutyunova N.D. *Metafora i diskurs* [Metaphor and Discourse]. *Teoriya metafory: Sbornik*. Moscow, Progress Publ., 1990, 512 p.
2. Blek M. *Metafora "Models and Metaphors"* [Metaphor "Models and Metaphors"] (1962). *Teoriya metafory*. Per. M.A. Dmitrovskoy. Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 153–172.
3. Lakoff, Dzh., Dzhonson, M. *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live by]. Ed. A.N. Baranova. Moscow, Editorial URSS Publ, 2004, 256 p.
4. Minyar-Beloucheva A.P. *Istoricheskiy diskurs kak polidiskursivnyy fenomen* [Historical discourse as a multi-discursive phenomenon]. *Voенно-gumanitarnyy al'manakh. Seriya «Lingvistika»*. Vyp. №1. V 2-kh tomakh. «Yazyk. Kommunikatsiya. Perevod». *Materialy X Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii po aktual'nyim problemam teorii yazyka i kommunikatsii, seriya Lingvistika*. Moscow, Izdatel'skiy dom «Mezhdunarodnye otnosheniya», 2016. T. 2, pp. 316–323.
5. Minyar-Beloucheva A.P. *Features of Foreign Policy Metaphors Functioning*. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2014. Vol. 11, no. 2, pp. 34–41. (in Russ.)
6. Minyar-Beloucheva A.P. *Osobennosti funktsionirovaniya kontseptual'nykh metafor v politicheskom diskurse* [Particularities of Conceptual Metaphors Functioning in Political Discourse]. *I.A. Boduen de Kurtene i mirovaya lingvistika: mezhdunar. konf.: V Boduenovskie chteniya* (Kazan. feder. un-t, 12–15 okt. 2015 g.). v 2 t. Ed. K.R.Galiullina, E.A.Gorobets, G.A.Nikolaeva. Kazan', Izd-vo Kazan. un-ta, 2015, Tom 2, pp. 203–207.
7. Minyar-Beloucheva A.P. *Rol' kontseptual'nykh metafor v istoricheskom diskurse* [The Role of Conceptual Metaphors in Historical Discourse]. *Gertsenovskie chteniya. Inostrannyye yazyki. Materialy vserossiyskoy mezhvuzovskoy nauchnoy konferentsii 14–15 maya 2015 goda*. St. Petersburg, RGPU im. A.I. Gertsena, 2015, pp. 11–13.
8. Minyar-Beloucheva A.P. *Paradigm Shift in History and Linguistics*. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2014. Vol. 11, no. 1, pp. 12–17. (in Russ.)

9. Repina L.P. Vyzov postmodernizma i perspektivy novoy kul'turnoy i intellektual'noy istorii [The Challenge of Postmodernism and Prospects for a New Cultural and Intellectual History]. *Odissey. Chelovek v istorii*. 1996, Moscow, Coda, 1996, pp. 25-38.
10. Temnova E.V. *Funktsional'no-pragmaticheskaya rol' metafor v publitsisticheskom diskurse* [The Functional-Pragmatic Role of Metaphors in Journalistic Discourse]. Dis.cand. philol.sci. Moscow, 2004, 212 p.
11. Khomutova T.N. Strategies of Research Discourse: an Integral Approach. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2015, vol. 12, no. 3, pp. 15–22. (in Russ.)
12. Khomutova T.N. Discourse Typology: An Integral Approach. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2014, vol., no. 2, pp. 14–20.
13. Ahrens K. When Love is Not Digested: Underlying Reasons for Source to Target Domain Pairings in the Contemporary Theory of Metaphor. *Proceedings of the First Cognitive Linguistics Conference*. Ed. Yuchau E. Hsiao. Cheng-Chi University, 2002, pp. 273–302
14. Bindoff S.T. *Tudor England*. London, Penguin Books, 1983, 320 p.
15. Grady J., Oakley T., Coulson S. *Conceptual Blending and Metaphor. Metaphor in Cognitive Linguistics*. Ed. R. Gibbs, G. Steen. Amsterdam; Philadelphia, 1999, pp. 430-440.
16. Lakoff G. Metaphor and War: The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf. *Viet Nam Generation Journal & Newsletter. V.3, N.3 (November 1991)*. URL:http://www2.iath.virginia.edu/sixties/HTML_docs/Texts/Scholarly/Lakoff_Gulf_Metaphor_1.html
17. Milán G., Iborra E., Córdoba Ó., de Juárez-Ramos V., Artacho R., Rubio, M.A. J.L. The Kiki-Bouba effect: A Case of Personification and Ideasthesia. *The Journal of Consciousness Studies*. 20(1-2): pp. 84–102.
18. Richards I.A. *Interpretation in Teaching*. London, Kegan Paul, Trench, Trubner & Co. 1937, pp. 420.
19. Spellman B., Ullman J., Holyoak K.A. Coherence Model of Cognitive Consistency: Dynamics of Attitude Change During The Persian Gulf War. *Journal of Social Issues*. 1993. Vol. 49, pp. 147–165
20. Turner M., Fauconnier G. Conceptual Integration and Formal Expression. *Metaphor and Symbolic Activity*, 1995. Vol. 10. № 3, pp. 183-204.
21. Turner M. *A Mechanism of Creativity*. URL: <http://www.wam.umd.edu/~mturn/>.
22. Whately R. *Elements of Rhetoric: Comprising an Analysis of the Laws of Moral Evidence and of Persuasion, with Rules for Argumentative Composition and Elocution*. London, J.W. Parker, 1846, p. 280.

Alla P. Minyar-Beloroucheva, Ph.D. in Philology, Dr. Habil, Professor of the Department of Foreign Languages of the History Faculty, Lomonosov Moscow State University, Professor. E-mail: ostvera@mail.ru

Received 25 July 2016

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Миньяр-Белоручева, А.П. Специфика функционирования концептуальных метафор в англоязычном историческом дискурсе / А.П. Миньяр-Белоручева // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2016. – Т. 13, № 3. – С. 31–37. DOI: 10.14529/ling160306

FOR CITATION

Minyar-Beloroucheva A.P. Features of Conceptual Metaphors Functioning in English Historical Discourse. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2016, vol. 13, no. 3, pp. 31–37. (in Russ.). DOI: 10.14529/ling160306